

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону»

Студент

С.К. Хачатурян

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Понятие и содержание института необходимой обороны в российском и зарубежном уголовном праве	7
1.1 История развития института необходимой обороны в российском законодательстве	7
1.2 Регламентация института необходимой обороны в действующем российском уголовном праве	13
Глава 2 Условия правомерности причинения вреда при осуществлении необходимой обороны	29
2.1 Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству	29
2.2 Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите ..	37
2.3 Понятие превышения пределов необходимой обороны	40
Глава 3 Проблемные аспекты института необходимой обороны и пути их решения	47
3.1 Проблемы реализации института необходимой обороны в уголовном праве	47
3.2 Перспективы развития института необходимой обороны	53
Заключение	61
Список используемой литературы и используемых источников	64

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что право на необходимую оборону относится к одним из основополагающих прав человека, поскольку предоставляет последнему возможность защитить себя от преступного и, зачастую, посягающего на жизнь и здоровье обороняющегося либо его близких, посягательства. Вместе с тем, уголовным законом установлены критерии (правила), при которых такая защита будет считаться правомерной, а значит и допустимой, а нарушение которых влечёт наступление уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

Право человека самостоятельно защищать себя, своих близких, других лиц, общество и государство от преступного посягательства несёт в себе значительную социальную составляющую и является одним из критериев, по которым общество судит о справедливости закона и судебной системы в целом. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что в последнее время в обществе вызывают существенный резонанс спорные ситуации самозащиты граждан от нападений, в результате которых последние привлекаются к уголовной ответственности. Это обстоятельство, как представляется, вызвано долгое время не меняющейся и консервативной судебной практикой применения норм уголовного закона, определяющих правомерность (допустимость) необходимой обороны, а также, возможно, недостатками действующего законодательства.

Таким образом, актуальность исследования уголовно-правовых гарантий реализации права на необходимую оборону обусловлена необходимостью дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики в данном направлении.

Степень научной разработанности темы исследования находится на сравнительно высоком уровне. Проблематике реализации права на необходимую оборону, а также последствий превышения пределов

необходимой обороне постоянно посвящаются труды отечественных учёных, среди которых можно выделить следующих: В.Н. Козак, А.Р. Афанасьева, В.И. Акимочкин, И.А. Аничимова, Е.И. Бахтеева, Е.И. Буевич, Д.М. Васин, Л.М. Лисица, Е.В. Лукки, В.В. Орехов, В.Н. Еремин, Э.В. Кабурнеев и другие.

Таким образом, на данный момент, уголовно-правовая доктрина относительно права на необходимую оборону сформирована, вместе с тем продолжаются дискуссии относительно понимания данного института, пределов правомерности необходимой обороны и прочих важных теоретических и практически аспектов функционирования данного уголовно-правового института, что требует проведения дальнейших исследований в данном направлении.

Объектом исследования в настоящей работе выступают общественные отношения, связанные с применением норм о необходимой обороне в отечественном уголовном праве.

Предметом исследования в настоящей работе выступают нормы уголовного права, регулирующие институт необходимой обороны и ответственность за превышение пределов необходимой обороны. Такие нормы, прежде всего, содержатся в Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 года (далее – Конституция РФ), в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63 ФЗ (далее – УК РФ), в федеральных законах о внесении изменений в УК РФ касающихся вопросов необходимой обороны. Кроме того, к предмету исследования в настоящей работе относится судебная практика по вопросам применения норм уголовного закона о необходимой обороне, а также основные положения отечественной уголовно-правовой доктрины.

Целью исследования выступает проведение комплексного исследования уголовно-правовых гарантий реализации права на необходимую оборону, поиск путей и способов их совершенствования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать историю развития института необходимой обороны в российском законодательстве;
- охарактеризовать регламентацию института необходимой обороны в действующем российском уголовном праве;
- охарактеризовать правовое регулирование необходимой обороны в уголовном праве зарубежных государств;
- определить и проанализировать условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству
- определить и проанализировать условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите;
- проанализировать понятие превышения пределов необходимой обороны
- выявить и проанализировать проблемы реализации института необходимой обороны в уголовном праве;
- определить перспективы развития института необходимой обороны.

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных методов и специальных методов юридической науки.

В частности, применены такие методы, как:

- формально-правовой,
- сравнительно-правовой,
- историко-правовой.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, УК РФ, федеральные законы от 14.03.2002 № 29ФЗ «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации», от 08.12.2003 № 162ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», от 27.07.2006 № 153ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» и другие нормативно-правовые акты.

Теоретическую основу исследования составили труды таких учёных как Е.И. Бувич, Д.М. Васин, В.П. Головненков, В.В. Герасимова, Е.В. Герасимова, Назуров, Е.А. Шищенко, Д.В. Неметинов, В.В. Орехов, Г.А. Решетникова, И.А. Тараканов, Е.Ю. Федосова, А.Г. Хлебушкин, А.Н. Шилкина и других.

Структура работы обусловлена поставленными целями и задачами и состоит из введения, основной части разделённой на главы и параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

В свою очередь, основная часть исследования состоит из трёх глав, в которых последовательно раскрывается понятие и содержание института необходимо обороны в отечественном и зарубежном уголовном праве, условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне, а также проблемные аспекты института необходимой обороны.

Глава 1 Понятие и содержание института необходимой обороны в российском и зарубежном уголовном праве

1.1 История развития института необходимой обороны в российском законодательстве

В отечественной истории первое письменное упоминание о праве на необходимую оборону было ещё в период существования Киевской Руси. Так исследователь Р.С. Таганцев указывает, что «в договорах князя Олега с греками датированным 911 годом и в аналогичном договоре князя Игоря 945 года, было оговорено о наличии у хозяина права причинения смерти вору, который был застигнут последним на месте совершения преступления, однако, только при наличии от последнего сопротивления. В случае, если застигнутый на месте преступления вор не оказывал сопротивления, то единственной допустимой мерой со стороны хозяина было его связывание, то есть задержание».

В последствии данные нормы в практически идентичном содержании были воспроизведены в Русской Правде [58]. Таким образом, право на необходимую оборону в указанном источнике было обусловлено необходимостью собственной защиты, а также защиты своего имущества от преступного посягательства. Обращает внимание и на определённые условия реализации данного права, в частности – необходимость оказания со стороны преступника сопротивления задержанию.

Так, В.Р. Долопчѐв в 1874 году писал, что «в период зарождения отечественного письменного права, исходя из содержания уже обозначенных договоров князей Олега и Игоря с греками, можно сделать вывод о существовании правового обычая, допускающего неограниченной расправы над вором, (самосуда над преступником). При этом расправа допускалась как непосредственно после совершения преступления над пойманным преступником, так и в момент его совершения» [11, с. 36]. Таким образом,

можно предположить, что вопрос необходимой обороны, задержания преступника был тесно связан с правом осуществления над ним самосуда. В последующем право человека на необходимую оборону и близкое к нему право на задержание преступника рассматривалось в древнерусских правовых источниках как единое целое, развивалось и эволюционировало. При этом основу рассматриваемого права составила законная возможность лица защищать себя, своих близких, а также своё имущество от преступного посягательства и только при условии сопротивления лица, его задержанию.

Е.И. Бахтеева отмечает, что «государство вернулось к регулированию права на необходимую оборону в более «поздних» правовых источниках, например, в Царском Судебнике Ивана IV, в Уложении 1649 года. Согласно указанным источникам, обороняющееся лицо было наделено правом причинения смерти посягающему на него, однако, в таком случае, на первого возлагалось бремя доказывания. Иными словами, оборонявшийся должен был доказать, что на последнего имело место посягательство, от которого необходимо было защищаться. Кроме того, важное значение имело поведение обороняющегося, а именно, незамедлительное следование к ближайшему представителю власти (воеводе), сообщение ему о случившемся, выполнение обряда крестного целования. Отмечается также, что в Соборном Уложении 1649 года пределы необходимой обороны были расширены» [8, с. 33-34].

В рамках настоящего исследования интерес представляет зарождение и развитие отечественной доктрины относительно права на необходимую оборону, которое имело место ещё в дореволюционный период [63]. Речь, прежде всего, идёт о середине XIX столетия. Основным научным источником относительно права на необходимую оборону того периода выступал труд А.Ф. Кони, именуемый «О праве необходимой обороны» изданным им в 1865 году. Отметим, что анализ данного источника показывает, что в целом понимание основных принципиальных положений относительно данного института вполне соответствует концепции реализованной в УК РФ 1996 года. Так, А.Ф. Кони отмечал, что «человеку присущий инстинкт самосохранения

как в силу его биологических рефлексов (животных), так и в силу его разума. Глубина чувства самосохранения у человека свидетельствует о его естественном происхождении и обуславливает допустимость защиты от всякого чуждого посягательства» [25].

Также, основу воззрений А.Ф. Кони относительно института необходимой обороны было противопоставление двух явлений: «права» и «неправа». Согласно позиции учёного, права всегда и в любом случае должно превалировать над «неправом». Таким образом, учёный предполагал довольно широкие рамки применения необходимой обороны. Кроме того, отмечается, что А.Ф. Кони учитывая, что «право на необходимую оборону относилось учёным к естественному, то есть принадлежащему от рождения и обусловленному самим существованием человека, праву, последнее существовало с самых древних времён и будет существовать в будущем» [8, с. 33-34].

Таким образом, А.В. Кони был противником установления «жестких» пределов необходимой обороны в части соразмерности нападения и противодействия такому нападению. Необходимая оборона рассматривалась как некое «извинительное» деяние, которое подлежит прощению, в том числе в случае допущения погрешности или ошибки, т.е. чрезмерного применения необходимой обороны, причинения вреда, несоразмерного тому, который потенциально мог быть причинён нападавшим.

Однако, обозначенные взгляды А.Ф. Кони были лишь его представлением о наиболее правильном определении пределов необходимой обороны и в законодательстве того периода, существовали пределы реализации данного права. В частности, А.Г. Назуров и Е.А. Шищенко указывают на то, что «в период в XVIII-XX вв. имело место существенное ограничение объемов реализации права на необходимую оборону. Возможно, это было связано с тем, что государство стало усматривать в необходимой обороне попытку ограничения государственной власти, передачи части таких важных полномочий народу. В законодательстве в качестве условия правомерности

необходимой обороны было введено положение о невозможности избегания посягательства другим способом или прибегнуть к помощи компетентных органов государства. Помимо этого, были внедрены определенные требования к своевременности и соразмерности вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны» [33, с. 56].

Далее рассмотрим советский период развития института необходимой обороны в уголовном праве. Отмечается, что на начальном периоде существования СССР в целом, «был расширен круг объектов обороны, и впервые к данным объектам, помимо жизни и здоровья, были отнесены интересы государства и общества. Связано это, не в последнюю очередь, с тем, что в тот период государственные интересы были в приоритете перед интересами личности» [31, с. 26]. Иными словами, гражданин как активный член общества, представитель господствующего в нём пролетарского класса был заинтересован в сохранении такого государства и установленного в нём общественного строя. Кроме того, такое восприятие было обусловлено имевшей место классовой борьбой и гражданской войной. Право на защиту интересов общества и государства означало и право сражаться против классовых врагов.

Первое нормативное закрепление права на необходимую оборону в советский период имело место в УК РСФСР 1922 г. следующим образом: «Не подлежит наказанию уголовно-наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны» [9, с. 115].

Таким образом, как указывает Е.И. Бувич в УК РСФСР 1922 года, необходимая оборона была основана на следующих принципах: «1) объектами защиты посредством необходимой обороны могут выступать личность или права обороняющегося либо других лиц; 2) пределы необходимой обороны не должны быть превышены» [9, с. 116].

Более подробную регламентацию право на необходимую оборону получило в ст. 13 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года [60] (статья в последней редакции 1994 года), согласно ч. 1 которой: «каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти» [57, с. 13].

Подход к определению правомерности действий, составляющих необходимую оборону, в советский период был связан с отсутствием обстоятельств, исключающих их противоправность [64, с. 451]. Иными словами, если в действиях лица, заявляющего о необходимой обороне, отсутствовал состав преступления, связанного с превышением пределов такой обороны, то его действия признавались законными.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в советский период, обобщению судебной практики применения норм о необходимой обороне, а также правильному толкованию соответствующих норм уделялось пристальное внимание ВС СССР. Об этом свидетельствует принятие в разные периоды трёх постановлений пленумов ВС СССР, а именно: от 23.10.1956 г. № 8 [51], от 04.12.1969 г. № 11 [52] и от 16.08.1984 г. № 14 [53].

Обратим внимание на последнее из них, а именно на постановление Пленума ВС СССР № 14 от 16.08.1984 года. Так, согласно п. 2 указанного постановления «общественно опасным посягательством является любое действие, подпадающее под признаки уголовно-наказуемого за исключением малозначительного. В последнем случае, обороняющееся лицо, подлежит ответственности на общих основаниях, речь не идёт даже о смягчении уголовного наказания» [53].

Кроме того, в соответствии с п. 5 Постановления № 14, указывалось на то, что «необходимая оборона есть определённое состояние, которое возникает в момент появления реальной угрозы нападения и сохраняется даже после того, как нападающий будет лишён оружия используемого при

нападении» [53]. При этом обращает на себя внимание, что действия направленные на причинение вреда нападавшему лицу уже после того, как он прекратил нападение, не признавалось необходимой обороной. Фактически такие действия рассматривались в качестве самосуда, в т.ч. совершения преступления в состоянии аффекта.

Вопросам квалификации действий лица, причинившего телесные повреждения при превышении пределов необходимой обороны, также уделялось внимание. В частности в п. 10 и 11 указанного постановления говорилось о том, что при наличии соответствующих последствий в виде причинения смерти и т.п. такие действия могли быть квалифицированы по ст. 111 УК РСФСР (аналогично действующей в настоящей момент ст. 114 УК РФ). Кроме того, отдельное внимание уделялось необходимости разграничения действий связанных с превышением пределов необходимой обороны и причинения вреда в состоянии сильного душевного волнения.

Таким образом, можно обратить внимание на то, что советское законодательство, судебная практика и правовая доктрина в целом, сформировало системное представление об институте необходимой обороны, в том числе относительно оснований и пределов реализации данного права.

Право на необходимую оборону было регламентировано в ст. 13 УК РСФСР 1960 год. Если сравнивать редакцию данной нормы и действующей в настоящее время ст. 37 УК РФ, то обращает на себя внимание, что в действующей редакции необходимая оборону уже не формулируется как право, хотя, безусловно, продолжает оставаться таковым. Отдельные положения указанных норм практически идентичны. Так, например, в ч. 2 ст. 13 УК РСФСР и в ч. 1 ст. 37 УК РФ идёт речь о возможности причинения нападавшему любого вреда вплоть до лишения жизни, при условии, если его нападение сопряжено с насилием, которое опасно для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

В подведение итогов написания данного параграфа, отметим, что право на необходимую оборону предусматривалось в отечественном праве с

появлением первых известных правовых памятников. В указанный период времени возможность самозащиты от нападения на себя и близких родственников обуславливалось вынужденным характером таких действий. В последующем, в период централизации государства и существования абсолютной монархии, необходимая самооборона как самочинные действия рассматривались как потенциальное посягательство на абсолютную полицейскую власть государства, в т.ч. учинение самосуда. В связи с этим возможность самозащиты была существенно ограничена, пределы правомерности необходимой обороны – в значительной степени сужены.

В советский период развития законодательства о необходимой самообороне была сформирована та концепция, которая в несколько изменённом виде, существует и в настоящее время. Данная концепция предполагает абсолютное право причинять любой вред нападающему при непосредственной угрозе жизни и здоровью лица и возможность причинения иного не критического вреда при посягательстве, не несущем угрозу жизни и здоровья нападавшего. Впервые были установлена ответственность за превышение пределов необходимой обороны.

В целом также необходимо отметить, преемственность отечественной правовой традиции и законодательства в вопросе необходимой обороны и его поступательное развитие. Современное состояние уголовного законодательства о необходимой обороне будет рассмотрено в следующем параграфе.

1.2 Регламентация института необходимой обороны в действующем российском уголовном праве

В настоящее время наличие данного института предусматривается УК РФ, который в статье 37 предусматривает, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц,

охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [31, с. 27]. Данное положение Уголовного кодекса исходит из ст.45 Конституции Российской Федерации, которая предусматривает «право каждого на защиту своих прав и свобод любыми способами, не запрещенными законом» [33, с. 56-57].

«С момента принятия в 1996 году последнего действующего УК РФ, вопросы необходимой обороны как основания, исключающие преступность деяния, предусмотрены ст. 37 УК РФ. С момента принятия данной нормы и до настоящего момента, в неё трижды вносились изменения – в 2002, 2003 и в 2006 году» [11, с. 36].

Так, в результате изменений, внесённых в 2002 году [37] было дополнено и конкретизировано законодательное определение необходимой обороны, в части конкретизации условий его правомерности (уточнены критерии преступного посягательства) [11, с. 36].

В 2003 году [38] в рассматриваемая норма была дополнена ч. 2.1 которая предусматривала дополнительные правила правомерности необходимой обороны. В частности, после этого, правомерной необходимой обороной признавались такие действия, которые обороняющийся совершил по причине неожиданности совершённого в отношении него нападения, по причине чего такое лицо не могло объективно осознать и оценить реальную опасность нападения.

Последние изменения в ст. 37 УК РФ были внесены в 2006 году [39]. Так, из ч. 3 ст. 37 УК РФ было исключено указание на то, что необходимая оборона является правом. Данное законодательное изменение представляется необоснованным.

Далее обратимся к непосредственному выяснению содержания термина «необходимая оборона». Его примитивный смысловой анализ показывает, что это та оборона, которая необходима. Как правило, она необходима для

сохранения жизни, здоровья, собственного имущества, жизни и здоровья, имущества других лиц. Таким образом, можно указывать на признак «необходимости» необходимой обороны. Далее рассмотрим те критерии необходимой обороны, которые устанавливает законодатель.

Как отмечает А.А. Ефимович, исходя из положений, сформулированных в ч. 3 ст. 37 УК РФ, можно утверждать, что «основанием необходимой обороны является сложный юридический факт, включающий в себя две группы самостоятельных действий, имеющих каждая свое содержание» [20, с. 240]. Под такими юридическими фактами учёный понимает акт нападения и акт защиты соответственно.

Отметим, что оба названных акта, безусловно, взаимосвязаны друг с другом, при этом акт нападения обуславливает возникновение акта защиты, наступает ранее по времени от акта защиты. Акт защиты не может предшествовать акту нападения, в таком случае он будет не обоснован, в нём будет отсутствовать обозначенная выше необходимость. Также отмечается, что возникновение двух обозначенных фактов нападения и защиты обуславливают и возникновение правоотношений между нападавшим и защищающимся связанным с реализацией норм о необходимой обороне. В случае наличия только одного из фактов, такие правоотношения не могут возникнуть. Например, после нападения, соединённого с насилием и завладением имуществом потерпевшего, преступник скрывается с места преступления, акт обороны отсутствуют, правоотношения, связанные с необходимой обороной отсутствуют также.

Также обратим внимание на то, что для возникновения обстановки позволяющей реализовать своё право на необходимую оборону, такое нападение должно обладать определёнными признаками. «Совокупность таких признаков в уголовном праве называют условиями правомерности необходимой обороны. Такие условия правомерности необходимой обороны делятся на те, которые относятся к действиям защищающегося (к защите) и те,

которые относятся к действиям нападавшего (к посягательству)» [11, с. 36].
Подробнее данные критерии будут рассмотрены в последующих параграфах.

Отметим, что необходимую оборону необходимо разграничивать со сходными на первый взгляд категориями, такими как преждевременная, запоздалая или мнимая оборона.

Упоминание о мнимой обороне находит свое отражение в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 19): «Судам необходимо различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие» [48].

Таким образом, мнимую оборону можно охарактеризовать как ситуация, когда в действительности правовые основания для необходимой обороны отсутствуют, но лицо, ошибочно полагая, что они существуют, причиняет вред другому лицу, которое, по его мнению, является нападавшим. Как уже указывалось, при определённых условиях мнимая оборона относится к необходимой обороне и является основанием для освобождения от уголовной ответственности.

Также, п. 16 вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ указывает на три варианта квалификации действия лица. В тех случаях, когда «сложившаяся обстановка давала основание полагать обороняющемуся лицу о реальности общественно опасного посягательства, которое, в действительности не являлось таковым, однако лицо, не осознавало и не могло осознавать этого, такие действия являются мнимой обороной и, при наличии на то соответствующих оснований, должно быть освобождено от уголовной ответственности, либо привлечено к таковой, за превышение пределов необходимой обороны (в случае превышения допустимых пределов необходимой обороны при посягательстве не опасном для жизни и здоровья). Во втором случае, когда обороняющееся лицо не осознавало, однако исходя

из обстоятельств случившегося должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, действия последнего должны быть квалифицированы как неосторожное причинение вреда. В третьем случае, когда общественно опасного посягательства в действительности не существовало и обстановка не давала оснований полагать, что оно происходит, действия лица должны быть квалифицированы как умышленное преступление» [23, с. 11-12].

В.В. Меркурьев и А.А. Тараканов в результате анализа вышеуказанных оснований отмечают, что «при квалификации действий, совершенных в состоянии мнимой обороны, следует учитывать два критерия: возможность и обязанность лица осознавать мнимость посягательства (субъективный критерий); наличие обстановки, обуславливающей возможность совершения фактической ошибки относительно действительности посягательства (объективный критерий)» [31, с. 27].

Таким образом, мнимая оборона, по своей сути, является результатом фактической ошибки лица, причиняющего вред. В действительности, такое лицо не является обороняющимся, поскольку обороняться можно только от нападения, а оно, по существу, отсутствует. Такое лицо, является ошибочно действующим.

Однако определённое извинительное обстоятельство, например, провокационные действия второй стороны или его аморальное поведение, в силу внезапности (неожиданности) для лица, даёт ему реальные основания полагать, что имеет место нападение и существует необходимость обороны. Особенностью мнимой обороны также является то, что юридически значимые последствия последней аналогичны последствиям необходимой обороны, они служат основанием для освобождения лица от ответственности, а также имеется вероятность привлечения такого лица за превышение пределов необходимой обороны.

Далее обратим внимание на проблему действий, связанных с причинением вреда лицу, которое ещё не начало нападение (так называемая

преждевременная оборона) и лицу, которое нападение уже завершило (так называемая запоздалая оборона). Среди учёных существуют различные позиции по этому вопросу. Согласно первой, «превышение пределов необходимой обороны при несвоевременной обороне возможно» [23, с. 11]. Как правило, данное утверждение относится к случаям запоздалой обороны.

В отношении преждевременной обороны большая часть учёных, например, А.А. Пионтковский указывают, что последняя заключается в «совершение оборонительных действий уже после окончания нападения, если они не вызывались необходимостью задержания преступника» [45, с. 446]. Большинство ученых все же считают, что «преждевременная и запоздалая защита не может рассматриваться ни как необходимая оборона, ни как превышение ее пределов» [47, с. 90-91].

Действительно, если рассмотреть ситуации преждевременной и запоздалой обороны с точки зрения необходимости возникновения двух юридических фактов: акта нападения и акта защиты, из которых акт нападения должен быть первым, а акт защиты должен быть своевременным, возникать в тот момент, когда акт нападения ещё действует, то обозначенные виды обороны не могут быть отнесены к необходимой обороне. А следовательно, не могут рассматриваться на предмет её превышения. Необходимой обороны такие действия (попросту, не являются таковой). При этом, отметим также что вопрос преждевременной или запоздалой обороны зачастую возникает в судебной практике при рассмотрении соответствующей категории дел.

В настоящий момент Постановлением Пленума ВС РФ частично разрешён данный вопрос, поскольку в п. 8 указанного постановления, указано, что «состояние необходимой обороны может иметь место в случаях, если оборона последовала сразу же после акта посягательства и исходя из обстоятельств, момент окончания такого посягательства не был ясен обороняющемуся лицу; когда в процессе совершения общественно опасного посягательства имел место перерыв и последнее могло (должно) было быть продолжено» [23, с. 11-12]. Кроме того, в обозначенном постановлении

отмечено, что само по себе установленное обстоятельство перехода оружия, с которым осуществлялось нападения от нападавшего к обороняющемуся, не указывает на то, что обстановка необходимой обороны перестала существовать, поскольку нападение может быть продолжено и без соответствующего оружия. Кроме того, нападавший или его подельники могут предпринять действия направленные на возврат орудием, выбывшим из их владения, либо приспособить для этого новое орудие. В связи с этим, в каждом подобном случае подлежит выяснению ещё и то, продолжалось ли нападение после захвата соответствующих орудий у нападавших, имелись ли основания предполагать, что такое нападение продолжится.

Таким образом, можно констатировать, что необходимая оборона должна быть своевременной, что означает отсутствие оснований для правомерной обороны, в случае если преступное посягательство ещё не началось или если оно уже закончилось. Отметим, что вопрос о допустимости совершения действий предупредительного характера в случае совершения подготовительных действий (приготовление к непосредственному покушению на совершение противоправного действия), является дискуссионным. Ведь по упрощённой логике, преступное деяние легче предотвратить (предупредить) именно на стадии подготовки к нему, чем после начала нападения. Например, преступник приготавливает битую, или иной потенциально опасный предмет, для нанесения удара и т.п.

Отметим, что отдельные позиции правоприменительной практики будут позволять считать нападением уже саму демонстрацию опасных предметов, например, огнестрельного оружия, других предметов с угрозой нападения. Вместе с тем, несмотря на обозначенные исключения, в настоящий момент, законодательство и правоприменительная практика в качестве обязательного критерия необходимой обороны, устанавливают наличие нападения как акта проявления противоправного поведения.

1.3 Правовое регулирование необходимой обороны в уголовном праве зарубежных государств

Рассмотрим англо-саксонскую правовую семью. Основу англо-саксонской правовой семьи составляют правовые системы Великобритании и США. Кроме того, к данной системе принято относить Австралию, Канаду, Индию, Нигерию, Бангладеш и другие государства. Данная правовая система построена по принципу исторической зависимости правовых систем государств от правовой системы Великобритании, её традиций и принципов правового регулирования [56, с. 56-57].

Характерной особенностью правовой системы Англии является превалирование судебного прецедента в качестве основного источника правового регулирования, в связи с чем, вопросы правомерности необходимой обороны, её пределы и юридических последствий их превышения, устанавливаются непосредственно в судебном разбирательстве по конкретному делу. При этом фрагментарно в правовой системе Англии представлены и законы. В частности, по вопросам необходимой обороны существует Закон «Об общем праве» 1967 года [15, с. 108]. О.В. Журкина характеризуя данный закон, отмечает, что предоставляет каждому право применить силу в отношении другого, однако только при условии совершения им преступления и соблюдением принципа разумности. Также закон устанавливает перечень объектов охраны, которые могут защищаться способом применения силы к нападавшему. Это собственная жизнь и здоровье обороняющегося, а также жизнь и здоровье иных лиц, защита имущества, а также общественных и государственных интересов [21, с. 44].

Далее обратимся к США. Особенности правовой системы данного государства, среди прочего, обусловлены его федеративным устройством, что предполагает наличие широких правотворческих полномочий у субъектов федерации. В связи с этим, многие штаты предусматривают собственные правила ответственности в случаях подобных необходимой обороны. Для

примера, можно указать на § 35.15 Уголовного кодекса Нью-Йорк [65], которым также предусмотрено право каждого на необходимую оборону. При этом, основным критерием является наличие субъективного восприятия обороняющимся действий другого лица в качестве нападения. Таким образом, можно утверждать, что ситуации характерные для мнимой обороны (разумное предположение о нападении), с точки зрения уголовного законодательства штата Нью-Йорк подпадают под необходимую оборону и не являются наказуемыми.

Далее обратимся к регламентации права на необходимую оборону в законодательстве Индии. В отличие от Англии и США, в УК Индии предусмотрен специальный раздел, посвящённый особенностям реализации права на необходимую оборону. Уголовное законодательство Индии в качестве обязательного условия для необходимой обороны предусматривает наличие именно физического нападения, либо нападение угрожающего движимому или недвижимому имуществу. Сразу обратим внимание на сравнение с отечественным правом. В нашем случае термин «физическое нападение» не применяется, однако по смыслу ст. 37 УК РФ, речь идёт именно о таком нападении. Кроме того, обращает на себя внимание, что защиту имущества не является основанием для необходимой обороны, в то время как в Индии, законодательство позволяет гражданину защищать себя и от такого нападения.

Э.В. Кабурнеев отмечает, что законодательство Индии предусматривает необходимость оценки нападения с точки зрения разумного предположения о возможности наступления смерти или другого тяжкого вреда. Данное правило действует только при наличии непосредственной угрозы физического нападения. Существует и безусловный запрет на применение мер необходимой обороны в отношении действующего добросовестно государственного служащего (даже в случае, если последним нарушаются предписания закона). Вторым критерием правомерности необходимой обороны является соразмерность предотвращённого и причинённого вреда.

Причинение смерти как способ самозащиты допускается при наличии определённых условий, которые заключаются в наличии реальной опасности причинения в результате нападения смерти или тяжкого вреда здоровью, если меры защиты не будут предприняты [56, с. 187-188].

Таким образом, существенной особенностью правил о необходимой обороне в Индии является запрет на применение необходимой обороны в отношении представителя государства, даже в том случае, если им нарушаются предписания законодательства. Такой запрет действует при наличии добросовестности в его поведении. Представляется, что это правило может трактоваться в зависимости от того, действует ли государственный служащий в своих личных интересах (то есть, недобросовестно) или в интересах государства, службы, общества (то есть добросовестно).

Далее обратимся к европейским государствам континентального права.

Основным источником уголовного права Франции является Уголовный кодекс 1992 года [66] (далее УК Франции). УК Франции также предоставляет человеку право на необходимую оборону. В свою очередь сама необходимая оборона делится на два вида. Первый вид необходимой обороны именуется «la légitime défense». Согласно ст. 1225 УК Франции, установлен запрет на привлечение к уголовной ответственности того лица, которое в обстановке совершения в отношении него или иного лица нападения, вынужден совершать действия по его обороне, при условии соблюдения критерия относительной соразмерности (запрещена «явная несоразмерность») [1, с. 55]. Таким образом, обращает внимание, что реализация права на необходимую оборону возможна как в отношении обороняющегося, так и в отношении иного лица (право на необходимую оборону в отношении государственных или общественно значимых ценностей, не предусмотрено). Кроме собственно наличия нападения, важным критерием является отсутствия явной несоразмерности средств обороны в сравнении со средствами защиты. Под явной несоразмерностью, возможно, имеется в виду.

Учёные также обращают внимание на то, что условием реализации права на необходимую оборону выступает именно противоправное посягательство. Из этого следует, что к таким посягательствам как законное задержание, в т.ч. задержание другими гражданами за совершённое правонарушение не может служить основанием для применения мер необходимой обороны [1, с. 56]. В таком случае, как представляется, могут возникнуть основания для привлечения лица к ответственности за причинение вреда (оказание сопротивления) при законном задержании.

Особенностью итальянской концепции права на необходимую оборону является то, что оно не является безусловным, что отличает его от французского подхода. Так, согласно ст. 52 УК Италии, «не может быть подвергнут наказанию тот, кто совершил насилие в отношении лица, будучи вынужден к этому необходимостью защиты личных прав или прав иных лиц, однако, при условии пропорциональности мер обороны и совершаемого посягательства» [22]. Так обращает на себя указание на то, что лицо должно находиться в состоянии вынужденности применения необходимой обороны. Такое правило может быть расценено как обязанность лица, прежде чем применять необходимую оборону, убедиться в том, что иной возможности избежать нападения, у лица отсутствует. Кроме того, как мы можем наблюдать, основным критерием правомерности необходимой обороны являются пропорциональность мер обороны и преступного посягательства.

Далее обратим внимание на специфику реализации права на необходимую оборону в Германии. Так, как и во Франции и в отличие от Италии, право на необходимую оборону является абсолютным. Это означает, что лицо подвергнувшееся нападению не обязано предпринимать меры по избеганию такого нападения, по поиску возможностей иным образом его предотвратить. Из этого правила существует несколько исключений, которые будут рассмотрены далее. Что касается объектов защиты, то они определены в качестве любых прав и законных интересов лица, которые подлежат защите со стороны закона. Однако, исследователями обращается внимание на то, что

общественный и государственный интерес не может выступать в качестве объекта защиты [14, с. 46-47].

Далее обратим внимание на критерии правомерности необходимой обороны. Такие критерии в соответствии с параграфами 32-35 УК ФРГ [67] заключаются в необходимости такой обороны и в соразмерности мер такой обороне преступному посягательству. Необходимость и соразмерность определяется через оценку таких обстоятельств, как интенсивность нападения, вид посягательства (нападение вооружённое или нет, с применением других предметов и т.п.). Соразмерность определяется через возможности достижения задачи пресечения нападения с применением тех или иных средств и способов обороны.

Далее обратим внимание на ограничение права на необходимую оборону в Германии. Указывается, что «основным ограничительным фактором является необходимость выполнения предварительного условия, связанного с поиском других возможных средств и способов защиты, кроме причинения вреда посягающему лицу при посягательстве таких категорий лиц, как малолетние и несовершеннолетние лица, от лиц, пребывающих в состоянии алкогольного опьянения, от психически нездоровых лиц, либо от лиц, которые совершают посягательства действуя неосторожно» [11, с. 36-37].

Далее рассмотрим особенности регулирования необходимой обороны в Швеции. Так, согласно ст. 1 главы 24 УК Швеции [68] определяет: «деяние, совершенное лицом в состоянии самообороны, образует преступление, только если, учитывая характер преступного нападения, важность его объекта и обстоятельства в целом, оно явно неоправданным» [24, с. 74]. Иными словами, главным критерием правомерности необходимой обороны в Швеции является «элемент оправданности, который предусматривает под собой широкий спектр для судебного усмотрения, а значит непосредственные критерии «оправданности» необходимой обороны вырабатываются в судебной практике» [24, с. 75].

Далее рассмотрим уголовное законодательства Швейцарии [69]. В данном государстве также «признаётся право на необходимую оборону как в условиях непосредственного нападения, так и в условиях угрозы такого нападения» [62, с. 84].

Рассмотрим особенности реализации права на необходимую оборону в мусульманской правовой семье. Как правило, это всего государства Арабского Востока, к которым можно отнести Марокко, Катар, Алжирскую республику и другие. Кроме того, к ним относятся и другие страны, в которых мусульманская религия имеет существенное влияние на формирование права. Таким государством, например, является Нигерия.

А.Х. Саидов обращает внимание, что для уголовного законодательства государств относящихся к мусульманской правовой семье также характерно наличие у лица права на необходимую оборону. При этом, характерной особенностью большинства уголовных законов мусульманских стран является запрет на совершение необходимой обороны в тех случаях, когда у обороняющегося лица имеется достаточно времени и возможность обратиться за помощью к представителям государства. В частности, такое правило предусмотрено в ст. 42 УК Ирака и было предусмотрено в ст. 62 УК Афганистана) [56, с. 325].

В подведение итогов анализа зарубежного законодательства о необходимой обороне отметим, что во всех их рассмотренных примерах уголовного законодательства стран континентальной Европы, англосаксонской правовой семьи, отдельных мусульманских и азиатских странах, право на необходимую оборону предусмотрено. Также во всех случаях такое право связано с наличием нападения угрожающего жизни и здоровью человека. При этом обращает на себя внимание, что существенные различия между, например, мусульманскими странами и странами континентальной Европы, отсутствуют. При этом, в каждом из государств предусмотрены свои особенности.

Например, для государств мусульманской правовой семьи обязательным условием реализации права на необходимую оборону является невозможность обратиться за получением помощи к представителям государства, то есть безысходность (ситуация, когда никто кроме себя лично не может защитить). Для государств континентальной Европы такое правило является исключением, но действует, например, в Италии. В Германии также существуют особенности оснований реализации необходимой обороны в зависимости от категории нападавших (несовершеннолетние, лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, и в отношении лиц, совершающих свои действия по неосторожности).

В целом, анализ зарубежного законодательства показал, что в абсолютном большинстве государств критерии правомерности необходимой обороны заключаются в наличии нападения, угрожающего жизни и здоровью, и соразмерности причинения вреда (причинённый в ответ вред не должен быть значительно больший в сравнении с предотвращённым).

Превышение установленных пределов необходимой обороны, как правило, наказуемо. Обращают на себя внимание страны (например, Швеция и Швейцария) в которых превышение пределов необходимой обороны установлено как обстоятельство смягчающее уголовную ответственность. То есть, деяние лица квалифицируется по соответствующей норме, предусматривающей ответственность за «простое» преступление, а наказание назначается с учётом обозначенного смягчающего обстоятельства. Установлено, что случаи, когда ответственность за превышение пределов необходимой обороны выделяется в отдельную норму, в зарубежном законодательстве редки.

Сравнивая полученные результаты с отечественным законодательством, отметим, что в целом конкретных направлений для возможного заимствования не выявлено. Одним из направлений заимствования правового опыта зарубежных государств может быть исключение составов преступлений, предусматривающих ответственность за превышение пределы необходимой

обороны и применение соответствующего смягчающего признака. Однако, в таком случае, возникают основания и для привлечения лиц, превысивших пределы необходимой обороны за причинение среднего и лёгкого вреда здоровью нападавшего. В целом отметим, что данное направление подлежит отдельному изучению.

В подведение итогов главы, посвящённой вопросам понятия и содержания права на необходимую оборону, отметим, что последнее взаимосвязано с естественной природой человека, которая заключается, среди прочего, в стремлении сохранить жизнь и здоровье себе и своему роду, в защите своего имущества и действующего общественного строя. Это обстоятельство обуславливает появления данного права как общепризнанной возможности, с наиболее давних времён известных историкам. Не является исключением и отечественный опыт в этом направлении. Нередко право на необходимую оборону и задержание преступника граничило с правом на самоуправство и самосуд. В связи с этим, с момента полноценного образования государственности и укрепления государственного аппарата, начало проявляться стремление государства монополизировать применение насилия в отношении лиц, нарушающих установленный правопорядок, что выразилось в установлении запретов и ограничений, критериев правомерности насилия, применяемого к преступнику. Со временем, установление таких критериев и ограничений приобрело новый смысл, который заключается в безусловном признании права каждого на самооборону, при установлении её пределов и критериев правомерности, однако не как средства утверждения монополии государства на применение силы, а как способ установления пределов права на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность лица, осуществившего противоправное посягательство.

В связи с этим, сущностным содержанием необходимой обороны как субъективного права является предоставление носителю такого права (по сути, любому участнику правоотношений – физическому лицу, находящемуся на территории на которой действует отечественно право, возможности

защищать себя лично, а также защищать других лиц, вне зависимости от родственных или иных связей с ними, общество и государство от противоправных (то есть вредных, деструктивных) посягательств.

Ценность данного права в том, что оно является одним из частных случаев реализации конституционных предписаний защищать себя, свои права и свободы всеми законными способами, т.е. теми, которые прямо не запрещены законом.

Наличие безусловного права на необходимую оборону при условии понятных и определённых (с позиции принципа правовой определённости), реально применимых (в условиях стрессовой ситуации необходимой обороны) создают условия для формирования активной личности со стойкими жизненными убеждениями и позицией нетерпимости к противоправному поведению.

Глава 2 Условия правомерности причинения вреда при осуществлении необходимой обороны

2.1 Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству

В отечественной доктрине уголовного права основания признания необходимой обороны правомерной делятся на две группы условий. Первая группа условий относится к посягательству, вторая группа условий относится к самой защите. В рамках настоящего параграфа будет рассмотрена группа требований, относящихся к посягательству. В свою очередь, в качестве элементов посягательства при необходимой обороне, принято выделять такие, как форма посягательства (к которой может относиться действие или бездействие), его противоправность и общественная опасность. Рассмотрим перечисленные элементы подробнее.

Отметим, что состояние необходимой обороны обуславливает факт совершения противоправного деяния (начала его совершения). Первым критерием, которые мы рассмотрим, является общественная опасность посягательства.

Критерий общественной опасности совершаемого посягательства является обязательным в силу содержания ч.ч. 1 и 2 ст. 37 УК РФ. В частности, это указание на то, что основанием необходимой обороны является посягательство опасное для жизни обороняющегося или иного лица, либо непосредственная угроза применения такого насилия [18, с. 8-10], [19, с. 3-4]. Кроме того, указывается на то, что превышением пределов необходимой обороны является причинение вреда в условия посягательства, не опасного для жизни и здоровья (то есть также общественно-опасное). В.К. Дуюнов и А.Г. Хлебушкин в качестве примера общественно опасных посягательств, предусмотренных ч. 2 ст. 37 УК РФ, приводят такие случаи, как причинение побоев, лёгкого или средней тяжести вреда здоровью, иного насилия, которое

не опасно для жизни и здоровья, например, при совершении грабежа. [17, с. 187-188].

Определяя противоправность и общественную опасность посягательства, возникает вопрос о том, каким образом, оценивать действия лица, совершающего нападение, если в последующем они не будут квалифицированы как противоправное деяние. В особенности этот вопрос актуален в связи с наличием в уголовно-процессуальном законодательстве множества вариантов освобождения от уголовной ответственности. Кроме того, в случае реализации права на необходимую оборону в отношении иных лиц, последние могут не изъявить желание обращаться в правоохранительные органы с соответствующим заявлением (например, речь идёт о делах частного и частно-публичного обвинения). В.К. Дуюнов и А.Г. Хлебушкин по этому поводу отмечают, что факт дальнейшего привлечение нападавшего лица к юридической (уголовной или административной) ответственности не должен играть определяющую роль. При этом, если со стороны нападавшего деяние будет отвечать признакам малозначительности, то есть только формально содержать признаки противоправного деяния, а в действительности, не являться таковым, то критерий общественной опасности в таких действиях будет отсутствовать, а значит будет отсутствовать и основание для реализации права на необходимую оборону [17, с. 188].

Далее обратимся к вопросу относительно формы общественно опасного посягательства. Как известно, преступление может быть совершено в форме действия или бездействия. В этом аспекте возникает вопрос о том, может ли общественно-опасное посягательство совершаться в форме бездействия. Разрешая данный вопрос, в первую очередь, обратимся к положениям УК РФ. В соответствии со ст. 37 УК РФ законодателем применён термин «посягательство», что в большей степени соответствует активному поведению (действию), чем пассивному (бездействию). Кроме того, в этой же норме содержится и указание на насилие, применяемое к обороняющемуся или к иным лицам. Значение термина насилие также заключается в активном

целенаправленном поведении. Неосторожными действиями можно причинить вред здоровью, но уж никак не совершить насилие. Таким образом, представляется, что позиция в УК РФ вполне очевидна: условием необходимой обороны является совершение общественно-опасного действия (действий) форме. Высказывая позицию относительно «целенаправленности» посягательства, отметим, что право на необходимую оборону способом причинения вреда нападавшему возникает и тогда, когда он действует в условиях ограниченности интеллектуального критерия своего поведения (соответственно, это может быть состояние аффекта, сильного душевного волнения, либо вообще, лицом, страдающим психическим заболеванием, не отдающим отчёт своим действиям).

Возвращаясь к вопросу о возможности бездействия как формы посягательства при необходимой обороне, обратимся к мнению правоведов А.А. Глазкову, Р.П. Репину и В.А. Егорову, которые обращают внимание на наличие в доктрине уголовного права многочисленных сторонников отнесения бездействия к допустимым формам посягательства [13, с. 146-147]. Анализ позиции ВС РФ показывает, что Пленум ВС РФ также допускает совершение необходимой обороны в отношении посягательств неосторожного характера. (п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 19 от 27.09.2012 года [48]). Таким образом, высшая судебная инстанция трактует законодательные положения расширено, что позволяет включать в посягательство и такое поведение нападавшего, как воздержание от совершения определённых действий. Возможно, имеются в виду ситуации, когда жизнь и здоровье определённого лица зависит от поведения посягающего. Это, например, жизнь малолетних детей, пациентов, ситуации, когда потенциальные потерпевшие оставлены в помещении или в ином закрытом пространстве в условиях опасных для жизни и здоровья и у последних отсутствует возможность покинуть его. В свою очередь, у такого посягающего должна быть возможность оказать содействие им в этом (например, ключи от помещения). Но сознательно желая причинения им вреда, такое лицо не предпринимает

соответствующих действий. В таком случае кто-то третий, реализуя своё право на необходимую оборону, в целях завладения ключами от помещения и оказания помощи потенциальным жертвам, может применить меры физического воздействия. Оценить и смоделировать такие и подобные ситуации весьма сложно, поскольку они не встречаются в судебной практике, однако полностью возможность их появления в будущем, не исключается.

Рассматривая и оценивая возможность необходимой обороны от неосторожного по форме вины посягательства, в качестве условной «модели» неосторожного посягательства можно указать на нарушение правил дорожного движения, которые создают угрозы для жизни и здоровья окружающих. В таком случае имеет место преступление с двойной формой вины, когда нарушение правил дорожного движения произошло умышленно, но само посягательство на жизнь и здоровья имеет неосторожный характер.

Если лицо, которому в таком случае потенциально может быть причинён вред, предпримет действия по причинению «вреда» транспортному средству нарушителя или самому нарушителю и таким образом, предотвратит посягательство на самого себя и находящихся поблизости людей, и имущество, будет ли такая ситуация расценена как необходимая оборона? Представляется, что в таком случае будет иметь место крайняя необходимость. То же самое может относиться, например, к ситуации, когда лицо собирается сбросить с высоты какой-либо тяжёлый предмет, а другой, находящийся рядом, видя, что это предмет может упасть «на голову» находящемуся в низу, отталкивает возможного причинителя вреда, который падает и получает, соответственно, лёгкий или средней тяжести вред здоровью. Такие действия, как представляется, в большей степени соответствуют критериям крайней необходимости, но не необходимой обороны.

Таким образом, подводя промежуточный итог, отметим, что таким образом, посягательство при необходимой обороне должно иметь только

активный характер действия, при этом, сам посягающий может действовать как умышленно.

«Основания возникновения права на необходимую оборону предусмотрены в ч. 1 ст. 37 УК РФ и детализированы в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 19. Согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ, основанием для применения права на необходимую оборону является наличие преступного посягательства, которое сопряжено с насилием по своему характеру реально опасным для жизни того лица, которое обороняется или другого лица. В свою очередь, согласно п. 2 Постановления ПВСРФ № 19 о реальности насилия опасного в момент его причинения могут свидетельствовать следующие обстоятельства:

- причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов);
- применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.);
- непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы» [48].

«Вместе с тем, в научном сообществе и в правоприменительной практике до настоящего момента возникают дискуссии относительно установления содержания термина нападение, представляющее собой реальную угрозу жизни и здоровья» [11, с. 36]. В частности, указывается, что «исходя из буквального понимания данного термина, опасное для жизни

насилие то, в случае, беспрепятственного применения которого может наступить смерть обороняющегося или другого лица. С другой стороны, когда идёт речь о субъективном восприятии того же обороняющегося, то каким образом, он может с точностью определить характер последствий от применённого или гипотетического насилия (попытки его применения)» [30, с. 362]. Таким же образом, дискуссионным является вопрос о возможностях применения необходимой обороны при защите своей собственности от преступных посягательств [16, с. 160]. Как отмечает М.А. Ментюхова в УК РФ «не содержатся норм, предоставляющих право защищать свою собственность» [30, с. 362]. «В учёной среде существуют предложения по установлению права на необходимую оборону вплоть до причинения смерти нападающему от посягательств, связанных с проникновением в жилище обороняющегося» [54, с. 161].

Выше были приведены основания для реализации прав на необходимую оборону от преступного посягательства опасного для жизни обороняющегося или иного лица.

В свою очередь, в силу ч. 2 ст. 37 УК РФ, возможна необходимая оборона и в отношении посягательств, не опасных для жизни и здоровья лица. Разъяснения относительно оснований возникновения такого права содержатся в п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 19. К таким основаниям в силу п. 3 указанного документа относятся «побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья» [48].

Кроме того, право на необходимую оборону возникает не только с момента начала посягательства, но и с момента возникновения его реальной угрозы. Реальность угрозы совершения таких действия, связана с готовностью виновного лица перейти к их непосредственному совершению. Также, как сказано в абз. 3 п. 3 Постановления ПВС РФ по делам рассматриваемой категории суд должен установить «наличие оснований сделать вывод о реальности угрозы такого посягательства. Иными словами, подлежат оценки

не объективная картина событий, а субъективное восприятие лицом возникшей ситуации с учётом факторов объективной реальности и их согласованности» [48].

«Правомерность необходимой обороны в теории уголовного права и в судебной практике также характеризуется еще двумя условиями: общественно опасное деяние должно быть наличным и действительным. По общему правилу, общественно опасное посягательство признается наличным, если охраняемым объектам причиняется вред или существует угроза его неминуемого причинения» [11, с. 36].

Как отмечает Е.В. Герасимова, «одним из обязательных условий правомерности необходимой обороны является своевременность защиты. Это означает, что она должна соответствовать во времени общественно опасному посягательству. «Преждевременная» и «запоздалая» оборона не могут рассматриваться по правилам необходимой обороны, так как пределы своевременной необходимой обороны определяются начальными и конечными моментами общественно опасного посягательства» [12, с. 8]. Детальной критерий «наличности» общественно опасного посягательства раскрыт в Постановлении Пленума ВС РФ, а именно, необходимая оборона допустима:

- с момента осуществления общественно опасного посягательства до момента его прекращения;
- когда посягательство еще не началось, но имеется реальная угроза такого посягательства, то есть, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния;
- когда защита осуществляется непосредственно за актом хотя бы и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств, для оборонявшегося лица не ясен момент его окончания, и лицо ошибочно полагает, что посягательство продолжается;
- общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось

- посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам;
- при делящемся или продолжаемом посягательстве до момента его фактического окончания [55, с. 177].

«С критерием наличия общественно-опасного посягательства связан спорный вопрос о допустимости необходимой обороны посредством обустройства по внешним периметрам жилища, другой собственности или в местах возможного проникновения посторонних, защитных механизмов (устройств), которые при попытке несанкционированного проникновения на территорию объекта собственности. Исходя из содержания нормы закона, точного ответа на этот вопрос не было. В последствии в 2012 году Пленум ВС РФ разрешил этот вопрос в сторону признания права на необходимую оборону, при условии её соразмерности, то есть действия такого характера, если они причинили вред нападавшему (проникающему в жилище) могли быть определены как необходимая оборона или превышение пределов необходимой обороны» [11, с. 36].

Однако, у данной позиции высшей судебной инстанции существуют противники. Во-первых, мнение о недопустимости применения средств защиты автоматического характера, имело место ещё в советский период. В качестве примера можно привести И.И. Слуцкого [61, с. 44], В.Е. Козак [26, с. 44] и М.И. Якубович [47, с. 105-106]. В основном, аргументы относятся к тому, что автоматические защитные приспособления могут причинить вред намного больший, чем это предусмотрено правилами допустимости необходимой обороны, в том числе к лицу, которое в действительности не совершает общественно-опасные действия, кроме того, такие приспособления устанавливаются в тот момент, когда противоправное посягательство ещё не совершалось, т.е. действия обороняющегося лица не соответствуют критерию наличия посягательства.

Кроме того, высказываются критические замечания к вышеуказанной позиции ВС РФ. Например, Г.А. Есаков отмечает важность соблюдения таких

критериев, как «исключение возможности причинение вреда посторонним лицам, то есть тем, кто не совершает общественно-опасные деяния, при этом, лицо, установившее такие устройства приспособление должно действовать предусмотрительно, предвидя возможность наступления трагических последствий; необходимость отсутствия собственника в момент посягательства» [12, с. 8].

2.2 Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите

Далее рассмотрим условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к действиям обороняющегося лица.

Первое условие правомерности, относящиеся к объектам защиты, т.е. тех охраняемых уголовным законом общественных отношений, которые можно защищать, прибегая к необходимой обороне путем причинения вреда посягающему лицу.

К таким объектам защиты можно отнести все объекты, указанные в ст. 2 УК РФ, охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества.

Если рассматривать понятия «объект защиты» и «объект уголовно-правовой охраны», то В.В. Меркурьев считает: «категории «объект уголовно-правовой охраны» и «объект необходимой обороны» идентичны по объему и содержанию и, как мы считаем, являются шире категории «объект преступления» [31, с. 29]. С.В. Пархоменко же полагает: «круг объектов обороны шире круга объектов уголовно-правовой охраны. Не случайно определение первых (ст. 37 УК) и вторых (ч. 1 ст. 2 УК) количественно и качественно различно: описание объектов обороны в тексте уголовного закона носит более общеправовой характер» [44, с. 135].

Вместе с тем, как обращает внимание Р.Г. Рамазанов, «спорным является и отнесение к таким объектам – чести и достоинства. Считается, что в тех случаях, когда посягательство на честь и достоинство связано с преступным посягательством на телесную неприкосновенность, например, против оскорбления действием, либо посягательство происходит путем распространения различных сведений в печатном или рукописном виде (попытка публично разместить написанные или напечатанные клеветнические сведения), необходимая оборона допустима» [54, с. 142]. Действительно учитывая критерий соразмерности необходимой обороны, довольно сложно представить о том, какие именно действия будут допустимы в случае с обозначенным выше посягательством. Кроме того, необходимо отметить, что далеко не все посягательства на охраняемые уголовным законом объекты соответствуют критерию нападения.

Другая учёная Т.Ш. Атабаева полагает, что «степень общественной опасности деяния может повлиять лишь на пределы необходимой обороны, но не на ее наличие, поэтому возможна необходимая оборона и от посягательств на честь и достоинство личности» [3, с. 20].

Стоит согласиться с мнением автора Л.М. Лисицы, полагавшего, что «не любое общественно опасное посягательство на объекты, перечисленные в ст. 2 УК РФ, оправдывает применение активной защиты. Необходимая оборона вполне допустима против общественно-опасных деяний, посягающих на объекты уголовно-правовой охраны, только при условии, что общественно опасное деяние сопряжено с насилием или непосредственной угрозой применения насилия, либо не носит насильственного характера, однако по своему содержанию может быть пресечено и предотвращено путем причинения посягающему вреда» [28, с. 71].

Большинство авторов отмечают, что в действующей редакции ч. 2. ст. 37 УК РФ, не закреплён круг объектов защиты, которые допустимо защищать по правилам о необходимой обороне, при защите от посягательств, не

сопряженных с насилием, опасным для жизни. Мы также считаем, что данный недостаток необходимо устранить путем их указания в ч. 2. ст. 37 УК РФ.

Вторым условием правомерности акта необходимой обороны, относящиеся к защите, является причинение вреда только посягающему лицу. Данное условие закреплено в ч. 1 ст. 37 УК РФ, а также в постановлении Пленума ВС РФ.

По этому вопросу заслуживает внимания позиция Д.М. Васина, который отмечал: «Это правило сформулировано не вполне корректно, ибо не охватывает случаев, когда во время посягательства имущественный вред причиняется третьим лицам, прямо или косвенно связанным с посягающим лицом. Например, обороняющийся повреждает или уничтожает орудие посягательства (транспортное средство, животное, оружие, с помощью которых совершается посягательство), находящееся в фактическом, в том числе и незаконном, владении посягающего лица, единоличным собственником которого сам посягающий не является либо при обременении данного имущества правами третьих лиц (ограниченное вещное право, право залога, иные права требования)» [10, с. 141].

Причинение при защите вреда не самому посягающему, а кому-либо из третьих лиц в связи с фактической ошибкой или отклонением действия, исключает в действиях обороняющегося необходимую оборону [35, с. 80].

В науке уголовного права выделяются три варианта квалификации случая причинения вреда третьим лицам при совершении акта необходимой обороны:

«1. Обороняющийся причиняет вред третьему лицу, ошибочно принимая его за посягающего. Содеянное представляет собой одну из разновидностей мнимой обороны.

2. Возможны случаи, когда при необходимой обороне, произошло отклонение в действии, в результате чего вред причинен третьему лицу. В случае причинения вреда третьим лицам при совершении акта необходимой обороны, когда имеет место отклонение в действии, речь может идти о

квалификации содеянного как по неосторожности, поскольку, отклонение в действии, происходит не по воле виновного, умысел на причинение вреда исключается, так и о невиновном причинении вреда, в случаях, когда виновный не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должен был и не мог их предвидеть.

3. Обороняющийся может сознательно причинить вред третьему лицу, с целью устранить опасность. В таком случае содеянное должно быть квалифицировано по правилам о крайней необходимости» [28, с. 79-80].

При совершении акта необходимой обороны, обороняющемуся по своему характеру может быть причинен как физический, так и имущественный вред [55, с. 178].

Третье условие данной группы: «защита должна соответствовать характеру и опасности посягательства, либо отсутствовать превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, которые не соответствуют характеру и степени общественно-опасного посягательства» [55, с. 178]. Относительно данного критерия отметим, что его раскрытие фактически предполагает анализ критериев превышения пределов необходимой обороны, которые были рассмотрены нами в предыдущих разделах настоящего исследования

2.3 Понятие превышения пределов необходимой обороны

В соответствии с ч. 2 ст. 37 УК РФ, «защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства» [59].

Таким образом, основные критерии превышения пределов необходимой обороны заключаются в следующем:

- превышение пределов необходимой обороны возможно только в условиях возникновения права на необходимую оборону. В результате совершения рассматриваемых действий, пределы допустимого осуществления такого права нарушаются виновным лицом;
- превышение пределов необходимой обороны заключается в совершении умышленных действий. Это означает, что такие действия не могут быть совершены по неосторожности. Все случаи причинения вреда в условиях необходимой обороны по неосторожности не являются преступлением;
- совершённые действия должны не соответствовать характеру и опасности преступного посягательства.

Особенности судебной оценки данных обстоятельств изложены в п. 13 постановления ПВВСРФ № 19, согласно которого: «разрешая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, суды должны учитывать: объект посягательства; избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства; место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия; возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т.п.); иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц» [48].

Далее в целях углублённого понимания превышения пределов необходимой обороны, обратимся к анализу судебной практики. В качестве примера из судебной практики рассмотрим Приговор Верх-Исетский

районный суд г. Екатеринбурга Свердловской области от 29 июля 2020 г. по делу № 1226/2020 [50], согласно которого действия обвиняемой изначально квалифицированы стороной обвинения как неоконченное покушение на умышленное убийство, были переквалифицированы судом на ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Интересующая нас объективная сторона в действиях осужденной заключалась в следующем. Обстановка необходимой обороны была обусловлена противоправным насильственным посягательством гражданского супруга осужденной на последнюю, которое осуществлялось в квартире, в отсутствие третьих лиц, при этом потерпевший находился в состоянии алкогольного опьянения. Дополнительной характеристикой обстановки совершения преступления являлось то, что сожитель ранее неоднократно избивал осужденную, в том числе, в момент совершения преступления. Прочитав решение суда: «после нанесения Абашевой телесных повреждений, ФИО18 взял нож и направился в комнату, где находилась ФИО18, при этом направляя лезвие ножа на нее. Видя агрессивного потерпевшего, с учетом предшествующих событий и сложившейся обстановки, когда на выходе из комнаты, где находилась Абашева, стоит потерпевший с ножом в руке, у Абашевой были реальные основания опасаться за свою жизнь и здоровье» [50]. Аналогичный подход был применён и в постановлении Президиума Свердловского областного суда от 22.07.2015 по делу № 44у-126/2015 [49].

Обратим внимание на некоторую противоречивость вывода суда с конечной квалификацией, поскольку в данном случае суд указывает на наличие реальной опасности для жизни потерпевшей, учитывая наличие в руках ножа, с другой стороны далее по тексту: «вместе с тем, поскольку ФИО18 осознавала, что тот вред, который она причиняет потерпевшему не был необходим для предотвращения или пресечения действий ФИО18, в соответствии с требованиями уголовного закона, ее действия следует расценивать как совершенные при превышении пределов необходимой

обороны, поскольку применение ею ножа явно не соответствовало характеру и степени общественной опасности посягательства» [50].

Представляется, что в данном случае имеет место неправильное применение закона, поскольку ст. 37 УК РФ не устанавливает какие-либо пределы необходимой обороны при посягательстве опасном для жизни обороняющегося. Тем более противоположные примеры в судебной практике имеются, когда похожие случаи бытового насилия, в ходе которых одно лицо изначально причиняло побои, а потом демонстрировала нож и готовность его применить в отношении обороняющегося.

Так, апелляционным определением Амурского областного суда действия Г.М. переквалифицированы с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч.1 ст. 114 УК РФ. Обстоятельства дела таковы. «Г.М. находился дома совместно с А. и Н., они распивали спиртные напитки, в вечерние время к ним в квартиру постучал М. Дождавшись, когда Г.М. открыл дверь квартиры, М. нанес удар рукой по лицу Г.М. Затем Г.М. оттолкнул от себя М. и нанес ему два удара кулаками в голову, причинивших последнему тяжкий вред здоровью и повлекший смерть» [4]. Суд первой инстанции пришел к выводу, что Г.М. при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего по неосторожности его смерть, не находился в состоянии необходимой обороны, и мотивом его действий явились внезапно возникшие личные неприязненные отношения к потерпевшему, вызванные нанесением М. удара в лицо.

Однако, с выводом суда первой инстанции невозможно согласиться. Во-первых, несмотря на то, что обороняющееся лицо добровольно открыло дверь в своё жилое помещение, нападавший после нанесения удара пытался в него проникнуть. Обороняющийся после того, как ему был нанесён удар от нападавшего, уже не желал допускать последнего в своё помещение. То есть, кроме самого фактора причинения вреда здоровью, имело место стремление нападавшего проникнуть в жилое помещение, принадлежащее обороняющегося. Во-вторых, даже если у обороняющегося изначально получилось оттолкнуть от себя нападавшего, это ещё не значит, что последний

отказался от намерения продолжить нападение, кроме того, об этом не мог предположить и обороняющийся. В связи с этим, апелляционная инстанция пришла к выводу о том, что виновное лицо (обороняющийся) действовал в условиях необходимой обороны, однако избрал несоразмерный способ защиты, тем самым превысив пределы допустимости необходимой обороны. Действия Г.М. были переквалифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Как уже указывалось выше, критерием разграничения ст. 111 УК РФ и ст. 114 УК РФ может выступать факт окончания противоправного посягательства со стороны нападавших (потерпевшего), в результате чего состояние необходимой обороны прекращается и умышленные действия обороняющегося лица, направленные на причинение вреда потерпевшему, рассматриваются отдельно. Анализ судебной практики показывает наличие значительной неопределённости в этом вопросе.

Так, обратим внимание на Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 20.06.2018 года по уголовному делу № 221103/2018 [5], которым было проверено решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 26.04.2018 года которым подсудимый был оправдан по обвинению в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. В рассматриваемом примере заслуживает на внимание позиция прокурора, изложенная в апелляционном представлении. В частности, прокурор обращал внимание на то, что после того, как подсудимым были пресечены действия потерпевшего, у последнего была возможность прекратить применение мер воздействия в отношении потерпевшего, а у потерпевшего, соответственно, отсутствовала возможность продолжать свои противоправные действия [5].

В качестве примера исправления судебных ошибок в судах первой и апелляционной инстанциях, рассмотрим определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 года по делу № 69УД187 [42]. Решением суда первой инстанции, выводы которого были подтверждены в апелляции, С. был осуждён за причинение тяжкого вреда здоровью, которое

по неосторожности, причинило смерть потерпевшему по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

В свою очередь, ВС РФ счёл целесообразным применить в данной ситуации п. 8 Постановления ПВС РФ № 16, который предусматривает продолжительность состояния необходимой обороны, при условии, продолжительности самого нападения, которое может продолжаться и после того, как из распоряжения нападающего убыло средство нападения. В данном случае, потерпевший продолжил свои насильственные действия в отношении осуждённого сразу же после того, как последний завладел его ножом.

В последствии суд первой инстанции в 2018 году признал С. виновным в совершении убийства при превышении пределов необходимой обороны [41].

Таким образом, отметим, что в настоящий момент в правоприменительной практике вопросы квалификации действий лиц в случаях, когда возможно имеет место превышение пределов необходимой обороны, продолжают оставаться спорными и неоднозначными. Это выражается, прежде всего, в том, что нередко конечной инстанцией, которая разрешает спор и даёт правильную оценку обстоятельствам происшедшего – выступает именно Верховный Суд РФ. Это обстоятельство позволяет утверждать, что судебная практика по данному направлению ещё продолжает формироваться. Также установлено, что в процессе квалификации действий как превышение необходимой обороны важное правоприменительное значение имеет установление именно состояния необходимой обороны, что предполагает установление факта нападения направленного на причинение вреда жизни и здоровью либо соединённое с непосредственной угрозой жизни и здоровью. При этом в случае с превышением пределов необходимой обороны, вред причинённый нападавшему будет явно несоразмерен той угрозы, которую создавало нападение. Также установлено, что не являются превышением пределов необходимой обороны те действия, которые заключались в причинении вреда нападавшему уже после фактического

окончания нападения. В случае отсутствия у такого лица состояния аффекта, его действия должны быть квалифицированы как умышленное преступление.

В связи с этим также сделан вывод о том, что превышение пределов необходимой обороны всегда подразумевает под собой наличие у субъекта такого превышения права на необходимую оборону, то есть нападения на последнего или иных лиц, посягательство на другие значимые общественные ценности и государство. Наказуемость случаев превышения необходимой обороны связана с необходимостью защит прав и свобод посягающего лица, формирование у общества представлений относительно соразмерности и допустимости причинения вреда нападавшему лицу. Лицо, превысившее пределы необходимой обороны, всегда действует в определённой степени добросовестно, заблуждаясь в её пределах. Если ситуация, дающая право на необходимую оборону, используется лицом в целях намеренного причинения вреда (как возможность для причинения вреда) без реальной цели защиты себя и окружающих от нападения, то такие ситуации должны рассматриваться на предмет наличия признаков преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью.

Глава 3 Проблемные аспекты института необходимой обороны и пути их решения

3.1 Проблемы реализации института необходимой обороны в уголовном праве

Рассмотрим вопрос о том, что именно подразумевается под термином «реализация института необходимой обороны». Реализация – это процесс воплощения чего-то «в жизнь». Соответственно, воплощение в жизнь института необходимой обороны является процесс применения норм соответствующего института уголовного права, в том числе практика их применения сотрудниками прокурорско-следственных органов, судов.

А.Г. Кибальник отмечает, что последние произведённые концептуальные изменения в УК РФ фактически убрали любые пределы необходимой обороны в случаях нападения опасного для жизни и здоровья человека. Учёный отмечает, что «логика этой нормы понятна - человек имеет естественное и неотъемлемое право защищать свою жизнь (и жизнь третьих лиц) любыми доступными способами и средствами. Как известно, в п. 2 постановления Пленума от 27 сентября 2012 г. N 19 определены признаки посягательства, угрожающего жизни, оборона от которого может быть «беспредельной». Однако нижестоящие суды нередко нарушают это предписание, «по традиции» усматривая превышение пределов необходимой обороны в случаях причинения смерти нападающему лицу» [27, с. 39-40].

В качестве примера, учёный приводит несколько решений судов, в частности, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.11.2013 г. № 33-Д13-6 [43]. Обстоятельства дела были следующими. Трое нападавших будучи вооружёнными большими по габаритам деревянными брусками напали на двоих человек. Последние не имели никаких подручных средств защиты, но в ходе оказания сопротивления, одному из защищавшихся удалось выхватить один из брусков, которым и

были причинён тяжкий вред здоровью нападавшему. Суд первой инстанции признал обороняющееся лицо виновным в превышении пределов необходимой обороны. ВС РФ отменил данные решения, признав оборонявшееся лицо невиновным в совершении инкриминируемого ему деяния.

ВС РФ в рассматриваемом случае сам сделал вывод о том, что «президиум Ленинградского областного суда признал, что «общественно опасное посягательство со стороны П. было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося С.», при котором закон «предоставляет обороняющемуся право на причинение посягающему лицу любого вреда». Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что, вопреки этому выводу, президиум Ленинградского областного суда принял необоснованное решение о наличии в действиях С. признаков превышения пределов необходимой обороны, ошибочно посчитав, что избранный С. способ отражения нападения явно не был вызван характером и опасностью посягательства» [43].

Обратим внимание на проблему применения норм о необходимой обороне к сотрудникам правоохранительных органов, который в процессе выполнения своих служебных обязанностей, обязаны руководствоваться специальными законами, инструкциями и уставами по применению мер физического воздействия, специальных средств и огнестрельного оружия, в случае нападения на последних, а также на иных лиц. Иными словами, условно, будет рассмотрен вопрос о необходимой обороне «специальных» субъектов права на необходимую оборону.

В.И. Михайлов отмечает, что в нынешней редакции ст. 37 УК РФ закреплена позиция, которая впервые была сформирована в 1964 году в процессе пересмотра Пленумом ВС СССР дела по обвинению бывшего сотрудника полиции «А» в превышении пределов необходимой обороны [32, с. 35-36]. Обстоятельства данного дела заключались в том, что сотрудник полиции в вечернее время, не находясь при исполнении своих служебных

обязанностей, в целях самозащиты применил огнестрельное оружие, в результате чего посягавшему на него лицу был причинён тяжкий вред здоровью. Государственное обвинение и суд первой инстанции посчитали сотрудника полиции виновным в превышении пределов необходимой обороны, поскольку последний нарушил правила действующего на тот момент Устава ППСМ о необходимости производства предупредительного выстрела и соблюдения других инструкций по этому поводу [32, с. 36]. Вместе с тем, Пленум ВС СССР, прекратил уголовное дело в отношении «А», сделав вывод о том, что положения законодательства СССР относительно необходимой обороны в равной степени распространяются на всех граждан, в связи с чем, каких-либо особых требований к реализации права на необходимую оборону у сотрудника отсутствуют [32, с. 36].

В настоящий момент, как отмечает В.И. Михайлов, данная позиция в целом, сохранившись, скорректирована в п. 27 и 28 постановления Пленума ВС РФ № 19. Так, в п. 27 идёт речь о том, что сотрудники правоохранительных органов не ограничены в реализации своего общегражданского права на необходимую оборону, а также на равных с другими гражданами несёт ответственность за превышение пределов необходимой обороны. Из данного пункта можно сделать вывод о том, что критерий соблюдения ведомственных нормативных актов при оценке уголовно-правовых последствия для действий, например, обороняющегося сотрудника полиции не важен даже при исполнении своих служебных обязанностей.

Однако, если обратиться к п. 28 постановления Пленума ВС РФ № 19, то, с одной стороны, указывается на необходимость соблюдения правил применения мер физического воздействия, специальной техники, огнестрельного оружия и прочих мер как условия исключения их ответственности. В свою очередь, в соответствии с абз. 2 п. 28 этого постановления Пленума ВС РФ, судом допускается отступление от данных правил, если их соблюдение может привести к непосредственной опасности для жизни и людей или может повлечь другие тяжкие последствия (экологическую

катастрофу, диверсии). Отметим, что абз. 1 п. 28 может трактоваться и как такой, который «расширяет» пределы необходимой обороны для лиц, выполняющих служебные обязанности (сотрудников полиции, Росгвардии, военнослужащих и т.п.), поскольку в отдельных случаях, специальные федеральные законы и нормативно-правовые акты устанавливают более «широкие» права по применению огнестрельного оружия, специальных средств и техники.

Например, А.В. Ананьин и Н.Е. Степаненко отмечают, что полномочия военнослужащих по применению силы напрямую урегулированы не уголовным законодательством, а положениями п. 4 ст. 1, в ст. 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ [36], в ст.ст. 13, 14 УВС ВС РФ [40], ст. 115 УГиКС ВС РФ [40], и являются для них правовыми обязанностями [2, с. 69].

Анализ данных положений указывает на то, что Пленум ВС РФ вызвался решить довольно сложную задачу определения соотношения норм уголовного закона, федерального законодательства и ведомственных инструкций. Важность данной задачи заключается в том, что сам уголовный закон зачастую посредством бланкетной нормы отсылает к тем же специальным федеральным законам или ведомственным нормативным актам. Например, в случае привлечения к ответственности за превышение или злоупотребление должностными полномочиями.

В рассматриваемом случае, как можно видеть, приоритет отдан именно норме уголовного закон и именно в той степени в которой она охраняет право на жизнь, здоровье и право защищать их всеми способами, не запрещёнными законом. Такой вывод можно сделать исходя из п. 27 постановления Пленума ВС РФ. В то же время, в ходе исполнения служебных обязанностей критерий правомерности действий заключается именно в соблюдении всех необходимых инструкций и правил. Однако если же речь идёт о том, что инструкции и правила, соблюдение которых является обязательным, могут привести к смерти людей или к иным катастрофам, то действуют уже

положения уголовного законодательства о необходимой обороне и крайней необходимости.

Проведённый поиск судебной практики по возможному применению судами при рассмотрении уголовных дел п. 28 постановления Пленума ВС РФ № 19, не дал результатов. Вместе с тем, в судебной практике имел место случай, когда военнослужащий срочной службы был осуждён по ч. 2 ст. 108 УК РФ за совершение убийства при превышении мер необходимых для задержания лица. Суд, рассматривая данное дело отклонил доводы прокурора о том, что действия виновного необходимо квалифицировать как умышленное убийство сославшись на рассмотренный выше п. 27 постановления пленума ВС РФ № 19 [6].

Обратим внимание, что в рассмотренном примере прокурор, обжалуя решение суда первой инстанции ссылаясь на нарушение военнослужащим положений воинского устава и должностных инструкций, поскольку после отражения нападения на охраняемый им КПП, он покинул место несения службы и преследовал нападавших уже в помещении общежития, где и применил выданное ему огнестрельное оружие.

Суд апелляционной инстанции, опровергая данные доводы, сослалось именно на п. 27 постановления Пленума ВС РФ № 19. Делая выводы по аналогии с правом на задержание лица, отметим, что в рассмотренном решении, фактически суд пришёл к выводу о том, что право на задержание лица, а значит и право на необходимую оборону в процессе выполнения служебных обязанностей «превалирует» над содержанием специальных нормативных предписаний на этот счёт. Таким образом, п. 27 был применён, что противоречит более «специальному» в этом случае абз. 1 п. 28 указывающему на соблюдения правил и инструкций применения огнестрельного оружия в процессе исполнения служебных обязанностей, как на критерий правомерности причинения вреда.

Сложившаяся практика военной прокуратуры свидетельствует о том, что как правило, случаи, когда военнослужащие применяют огнестрельное

оружие на поражение в процессе несения последними конвойной или охранной службы, на пост или КПП, при соблюдении воинских уставов и инструкций, то в отношении последних уголовные дела не возбуждаются. Так, «на территорию поста, охраняемого рядовым В., проник неизвестный в гражданской одежде и направился в сторону часового. На сделанные В. в полном соответствии с уставными требованиями окрики и предупреждения неизвестный заявил в нецензурной форме, что ему безразлично, и он, часовой, может стрелять. После этого рядовой В. сделал предупредительный выстрел вверх. Нарушитель, не реагируя на это, продолжал двигаться в сторону часового. Тогда В. применил по нему оружие. От полученных ранений гражданин скончался на месте» [7].

Обращает на себя внимание, что в таком случае, отсутствовали такие критерии необходимой обороны, как наличие нападения, его общественная опасность, отсутствовала угроза жизни и здоровью обороняющегося, иных лиц, обществу и государству. Существовала лишь опасность, что такая угроза может возникнуть, поскольку военнослужащий осуществлял охрану военного объекта. Кроме того, дистанция, с которой был произведён выстрел, с большей долей вероятности предполагала возможность выстрелить ему в ногу или в иную конечность, сохранив тем самым жизнь. Однако, в силу ведомственных нормативных правовых актов и, очевидно, в силу позиции Пленума ВС РФ изложенной им в абз. 1 п. 28 постановления Пленума ВС РФ, действия военнослужащего были признаны правомерными.

Оценивая такую позицию ВС РФ, воспроизведённую в постановлении Пленума № 19, отметим, что она вызывает некоторые вопросы. Например, толкование норм закона, который были применены, носит системный характер, поскольку основано на понимании соотношения всей системы законодательства в целом. ВС РФ в абз. 2 п. 28 постановления Пленум ВС РФ в качестве случаев, когда в процессе исполнения служебных обязанностей соблюдение ведомственных инструкций и прочих подобных правил не имеет значение, смерть «людей», то есть двух и более лиц. Как оценивать случаи,

промедление в которых может привести к смерти только одного человека, становится непонятным. Особенно в ситуации, когда вывод ВС РФ не основан на толковании одной нормы имеющей определённое содержание.

Представляется, что приведённую ВС РФ в п. 28 постановления № 19 формулировку необходимо понимать расширено, включая сюда не только угрозу гибели людей, но и одного человека. В целом же необходимо отметить, что немногочисленные примеры рассмотрения уголовных дел в отношении сотрудников полиции и военнослужащих, не позволяют сформировать устоявшуюся практику применения как ст. 37 УК РФ, та и положений п.п. 27 и 28 постановления Пленума ВС РФ № 19. Выводы судов в рассмотренных примерах, далеко не всегда соответствуют буквальному пониманию позиции Пленума ВС РФ.

3.2 Перспективы развития института необходимой обороны

Отметим, что перспективы дальнейшего развития института необходимой обороны в уголовном праве России могут заключаться как в совершенствовании уголовно-правовой доктрины, так и в совершенствовании самого содержания правовых норм относительно необходимой обороны.

Рассмотрим существующие предложения по совершенствованию действующего правового регулирования права на необходимую оборону.

В свою очередь, отмена верхнего предела мер необходимой обороны в рассматриваемых случаях, по мнению отдельных учёных, создаёт предпосылки для так называемой «беспредельной обороны», в том числе в случае, когда лицо провоцирует нападение, для того, чтобы реализовать задуманное причинение вреда здоровью нападавшего. Например, такую мысль высказал Э.О. Побегайло [46, с. 72] и согласился с ней А.Г. Кибальник [27, с. 40]. С данной позицией в целом необходимо согласиться. При этом, принятии решения относительно дальнейших направлений совершенствования института необходимой обороны, необходимо учитывать,

последствия принимаемых решений. В своё время законодатель, внося соответствующие изменения выбирал между двумя благами (право на самостоятельную защиту жизни и здоровья, которое существенно ограничивалось установленными пределами, которые в стрессовой и экстремальной ситуации очень трудно соблюсти и предвидеть) и возможности неравноценного причинения вреда нападавшему, возможным случаям злоупотребления со стороны обороняющихся. Выбор был сделан в пользу создания надлежащих условий для полноценной реализации конституционного права на защиту.

В этой связи, в целях выявления лиц, злоупотребляющих данным правом и предоставленными законодательными возможностями, в первую очередь представляется необходимым совершенствовать именно следственную и судебную практику, применения в целом справедливых и сбалансированных норм. В этом вопросе, как отмечается, и возникают проблемы.

А.Г. Кибальник отмечает, что «нередко причинение вреда в состоянии обороны носит «камерный» характер, когда одному нападающему противостоит один и сопоставимый по физическим параметрам защищающийся, а само посягательство и защита осуществляются в отсутствие свидетелей или средств фиксации. В этих случаях однозначно установить существование реальной угрозы жизни нередко попросту невозможно. По существу, речь идет о наличии неустранимого сомнения в факте (при отсутствии неопровержимых доказательств обратного), и суд, следуя предписаниям ч. 3 ст. 49 Конституции, обязан встать «на сторону» обороняющегося лица» [27, с. 40].

В качестве примера укажем на следующее судебное решение. «Судом первой инстанции К. признана виновной в убийстве, совершенном при превышении пределов необходимой обороны. Как указано в приговоре, К., находясь в квартире, принадлежавшей С., в состоянии алкогольного опьянения из личной неприязни в ссоре вырвала из рук С. кухонный нож и, обороняясь, нанесла ему удар в грудь, от чего он скончался на месте.

Признавая К. виновной в совершении убийства при превышении пределов необходимой обороны, суд в приговоре констатировал, что она, увидев в руках С. нож, могла реально опасаться за свою жизнь. Однако вырвав из его рук нож, т.е. завладев им, К. не попыталась покинуть квартиру или предотвратить конфликт иным путем. Ненавидя потерпевшего, сознательно допуская возможность причинения смерти, она нанесла ему со значительной силой удар ножом в грудь, причинив повреждение сердца, от чего он скончался на месте» [27, с. 41].

Обратим внимание на сложившуюся ситуацию, связанную с выяснением обстоятельств произошедшего. Исходя из процитированного в ходе произошедшего конфликта в квартире находилось только двое: погибший и обвиняемое лицо. Соответственно, оценивая показания обороняющегося лица, к последним необходимо относиться критически, однако, отсутствие других достоверных источников доказательственной информации позволяющих восстановить объективную картину, опровергнуть показания потерпевшей будет трудно. При этом, из решения суда первой инстанции видно, что последний, приняв показания обвиняемой за основу относительно произведённых ею действий, установив обстоятельства для необходимой обороны, признал её действия, преступными.

В свою очередь, ВС РФ, рассматривая кассационную жалобу, не согласился с таким выводом суда первой инстанции, также сославшись исключительно на не опровергнутые другими доказательствами показания потерпевшей, указал на следующее: «К. находилась наедине с С. в закрытой комнате, в отсутствие соседей по коммунальной квартире. Он в этот вечер был в состоянии алкогольного опьянения, вел себя агрессивно, подошел к К., держа нож на уровне ее груди. Таким образом, К. имела основания полагать, что для ее жизни существует реальная угроза. Следовательно, ее действия были правомерными» [50].

В науке существует предложение относительно законодательного уточнения такого критерия правомерности защиты при необходимой обороне,

как соразмерность посягательства и причиняемого вреда нападавшему. В этой связи А.В. Ананьин и Н.Е. Степаненко предлагают уточнить ст. 37 УК РФ нормой о том, что «в случае наличия у обороняющегося возможности выбора способа защиты он обязан применить тот, который сохранит жизнь нападающему, и это должно быть законодательно закреплено» [2, с. 69].

В обоснование выдвинутого предложения, учёные отмечают, что действующая редакция ч. 1 ст. 37 УК РФ предоставляет гражданину большие возможности по защите от насильственного посягательства. Вместе с тем, нередко нападение может происходить со стороны психически нездоровых людей, женщин, детей. Также не исключаются случаи, когда обороняющееся лицо воспринимает как реальную угрозу, которой в действительности не существует. В случае, если такое нападение создаёт угрозы для жизни и здоровья, закон предоставляет обороняющемуся право причинять вред нападавшему вплоть до лишения его жизни. В свою очередь, даже при наличии выбора у обороняющегося применить, например, нелетальные или менее деструктивные средства защиты, он может применить летальные и причинить смерть нападавшему. Такое соотношение права обороняющегося и возможных последствий по мнению А.В. Ананьина и Н.Е. Степаненко не является справедливым [2, с. 69].

Высказывая собственное отношение к данному предложению, отметим следующее. Действительно действующая модель предполагает право обороняться вне зависимости от возможности избежать причинения вреда либо обратиться за помощью в правоохранительные органы. Устанавливая определённые пределы, закон также предполагает, что человек волен сам выбирать способы и методы самозащиты до установленного предела. При этом, в случае непосредственной угрозы для жизни и здоровья, такой предел не установлен вообще. Это значит, что при определённых условиях, обороняющийся может выбрать защиту и при помощи физической силы, и при помощи летального оружия. Критерий соразмерности посягательства и причинённого вреда в таком случае соблюдается. Фактически в случае, если у

обороняющегося была возможность защититься иным способом, который менее опасен для нападавшего, возникает морально-этический аспект и аспект гуманности. Однако, установление дополнительных критериев и требований к правомерности необходимой обороны, в текущих условиях водиться излишним. Это может привести к тому, что в каждом случае самозащиты себя либо близких, будет выясняться была ли у обороняющегося возможность защиты иным способом, в то время, как обстановка нападения и ограниченное время для принятия решения, нередко не даёт обороняющему возможности в полной мере оценить обстановку и определить наиболее гуманный способ самозащиты. Представляется, что справедливым в данном случае будет утверждение о том, что все возможные негативные последствия и риски причинения вреда берёт на себя нападавший уже в силу того, что его действия носят противоправный характер.

При этом, случаи, когда лицо, оценивая опасность нападения имело достаточно времени оценить степень его опасности и возможность отражения нападения различными имеющимися в его арсенале средствами, выбирает при этом, то, которое с большей вероятностью приведёт к смерти нападавшего, необходимо тщательно рассматривать на предмет случая совершения умышленного преступления против жизни и здоровья нападавшего.

Анализ других законодательных инициатив показывает, что на протяжении длительного времени периодически выдвигаются предложения по конкретизации права на необходимую оборону от нападения, сопряжённого с проникновением в жилище. О.В. Матюнин отмечает, что в 2013 и в 2014 годах в парламент дважды вносились законодательные инициативы по дополнению ст. 37 УК РФ, которыми предполагалось предоставить право на необходимую оборону лицу в случаях с проникновением в жилище, которое не сопряжено с применением насилия опасного для жизни или здоровья или с угрозой его применения [29, с. 16-18]. Иными словами, предлагалось законодательно закрепить возможность применения необходимой обороны в случае любого противоправного

проникновения в жилище. Учёный отмечает, что обе законодательные инициативы были отклонены, поскольку соответствующее право уже было предусмотрено, а неограниченное расширение его пределов и предоставление возможности причинения вреда в любом случае нарушения неприкосновенности жилища, независимо от обстоятельств проникновения, противоречило бы принципу справедливости в уголовном праве закреплённому в ст. 6 УК РФ.

С данной позицией в действительности необходимо согласиться. Опасения авторов указанных законопроектов и других согласных с ними ли в части того, что в отечественном правопорядке недостаточно охраняется неприкосновенность собственности отчасти оправданы. Однако, как представляется, решать данную проблему следует не законодательными изменениями, поскольку они могут создавать почву для всевозможных злоупотреблений, а совершенствованием правоприменительной практики. Следственные органы и суды должны тщательно анализировать обстоятельство противоправного проникновения в жилище, в том числе действительные намерения проникающего лица, то, каким образом, действия правонарушителя были восприняты лицом, находящимся в таком помещении и прочие обстоятельства случившегося.

Существуют и другие предложения. В частности, А.В. Никуленко и М.А. Смирнов предлагают дополнить постановление Пленума ВС РФ № 19, указанием «пунктом о признании правомерным причинения любого вреда посягающему при защите от посягательства, угрожающего жизни или здоровью обороняющегося или других лиц. В пункт, по мнению авторов, должен войти открытый перечень таких посягательств, включая покушение на убийство или причинение вреда здоровью, грабеж, разбой, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, а также иные составы преступлений, в том числе создающие опасность причинения существенного вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом» [34, с. 116].

Рассматривая обозначенное предложение, отметим следующее. Каждое уголовное преступление имеет объект своего посягательства. Соответственно, допустимо предположить, что в результате долгой и кропотливой работе, может быть проведена градация таких преступных посягательств, на те, совершение которых несёт непосредственную угрозу перечисленным ценностям и, соответственно, способом их перечисления предусмотреть в соответствующем постановлении Пленума ВС РФ (хотя неизбежно, такая работа столкнётся с огромными трудностями и спорами в точной идентификации объектов преступных посягательств каждого из составов преступлений).

Однако, такой подход в оценке опасности нападения для жизни и здоровья обороняющегося либо других лиц, противоречит уже сформированной и устоявшейся позиции Пленума ВС РФ о том, что противоправность нападения не обязательно должна быть подтверждена в установленном порядке, например, приговором суда или решением о прекращении уголовного дела и уголовного преследования по не реабилитирующим обстоятельствам. Следственно-прокурорские органы и суды, оценивая действия обороняющихся могут прийти к выводу о том, что имело место противоправное посягательства, а также угроза жизни и здоровью, однако до квалификации действий нападавшего по конкретной статье Особенной части УК РФ, дело может и не дойти. Если же будут приняты предлагаемые изменения, то возникнет необходимость точной квалификации действий каждого случая нападения, что, как показывает практика, возможно далеко не всегда. Кроме того, норма закона, а именно ст. 37 УК РФ не содержит такой критерий как «преступное» посягательство. Посягательство должно быть противоправным. Представляется, что принятие дальнейших решений, определяющих содержание правового института необходимой обороны не может и не должно идти исключительно «на поводу» общественного мнения, хотя сам факт обозначенного выше недовольства общества говорит о наличии проблем в обозначенной сфере.

В подведение итогов написания главы, посвящённой проблемным аспектам института необходимой обороны, отметим, что текущее отношение общества к праву на необходимую оборону, безусловно, положительное, однако в общественном сознании сформировано предубеждение о том, что государство в лице следственных, прокурорских и судебных органов не справедливо рассматривает случаи самозащиты граждан, тем самым создавая препятствия для реализации такого права.

Отметим, что отчасти данная ситуация связана с тем, что судебная практика по применению норм о необходимой обороне, не смотря на десятилетия применения соответствующих норм УК РФ, до настоящего времени продолжает формироваться. Относительно недавно было принято постановление Пленума ВС РФ обобщающее судебную практику по данному вопросу.

В целом, говорить о том, что поиск путей и способов совершенствования, как законодательства, так и практики его применения в данном вопросе, закончен, не приходится.

Заключение

В подведение итогов отметим, что право на необходимую оборону предусматривалось в отечественном праве с появлением первых известных правовых памятников. В указанный период времени, возможность самозащиты от нападения на себя и близких родственников обуславливалось вынужденным характером таких действий.

В последующем, в период централизации государства и существования абсолютной монархии, необходимая самооборона как самочинные действия рассматривались как потенциальное посягательство на абсолютную полицейскую власть государства, в т.ч. учинение самосуда.

В связи с этим, возможность самозащиты была существенно ограничена, пределы правомерности необходимой обороны – в значительной степени сужены. В советский период развития законодательства о необходимой самообороне была сформирована та концепция, которая в несколько изменённом виде, существует и в настоящее время.

Данная концепция предполагает абсолютное право причинять любой вред нападающему при непосредственной угрозе жизни и здоровью лица и возможность причинения иного не критического вреда при посягательстве, не несущем угрозу жизни и здоровья нападавшего. Впервые были установлена ответственность за превышение пределов необходимой обороны.

В целом также необходимо отметить, что преемственность отечественной правовой традиции и законодательства в вопросе необходимой обороны и его поступательное развитие. Современное состояние уголовного законодательства о необходимой обороне будет рассмотрено в следующем параграфе.

Таким образом, можно констатировать, что необходимая оборона должна быть своевременной, что означает отсутствие оснований для правомерной обороны, в случае если преступное посягательство ещё не началось или если оно уже закончилось. Отметим, что вопрос о допустимости

совершения действий предупредительного характера в случае совершения подготовительных действий (приготовление к непосредственному покушению на совершение противоправного действия), является дискуссионным.

Ведь по упрощённой логике, преступное деяние легче предотвратить (предупредить) именно на стадии подготовки к нему, чем после начала нападения. Например, преступник приготавливает битую, или иной потенциально опасный предмет, для нанесения удара и т.п.

Отметим, что отдельные позиции правоприменительной практики будут позволять считать нападением уже саму демонстрацию опасных предметов, например, огнестрельного оружия, других предметов с угрозой нападения. Вместе с тем, несмотря на обозначенные исключения, в настоящий момент, законодательство и правоприменительная практика в качестве обязательного критерия необходимой обороны, устанавливают наличие нападения как акта проявления противоправного поведения.

Проведённый анализ зарубежного законодательства показал, что в абсолютном большинстве государств критерии правомерности необходимой обороны заключаются в наличии нападения, угрожающего жизни и здоровью, и соразмерности причинения вреда (причинённый в ответ вред не должен быть значительно больший в сравнении с предотвращённым).

Превышение установленных пределов необходимой обороны, как правило, наказуемо.

Обращают на себя внимание страны (например, Швеция и Швейцария) в которых превышение пределов необходимой обороны установлено как обстоятельство смягчающее уголовную ответственность. То есть, деяние лица квалифицируется по соответствующей норме, предусматривающей ответственность за «простое» преступление, а наказание назначается с учётом обозначенного смягчающего обстоятельства.

Установлено, что случаи, когда ответственность за превышение пределов необходимой обороны выделяется в отдельную норму, в зарубежном законодательстве редки.

Сравнивая полученные результаты с отечественным законодательством, отметим, что в целом конкретных направлений для возможного заимствования не выявлено.

Одним из направлений заимствования правового опыта зарубежных государств может быть исключение составов преступлений, предусматривающих ответственность за превышение пределы необходимой обороны и применение соответствующего смягчающего признака.

Однако, в таком случае возникают основания и для привлечения лиц, превысивших пределы необходимой обороны за причинение среднего и лёгкого вреда здоровью нападавшего. В целом отметим, что данное направление подлежит отдельному изучению.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Акимочкин В.И. Необходимая оборона и критерии ее правомерности (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 1. С. 55-58.
2. Ананьин А.В., Степаненко Н.Е. Актуальные вопросы необходимой обороны и крайней необходимости в условиях военной службы // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2015. № 11. С. 69-74.
3. Атабаева Т.Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 20.
4. Апелляционное определение Амурского областного суда от 5 марта 2015 г. по делу №22-197/15 // СПС Консультант Плюс.
5. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 20 июня 2018 года по уголовному делу № 22-1103/2018 // СПС Консультант Плюс.
6. Апелляционное постановление СК по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда от 14 мая 2015 г. по делу № 22-209/2015 // ИПК Гарант.
7. Архив ГВП. Надзорное производство по уголовному делу № 14/21/0172-06. // ИПК Гарант.
8. Бахтеева Е.И. Превышение пределов необходимой обороны: Проблемы квалификации: Дис... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 1997. 213 с.
9. Бувевич Е.И. Этапы исторического развития института необходимой обороны в уголовном праве послереволюционной России // Сибирское юридическое обозрение. 2013. № 1. С. 116-120.
10. Васин Д.М. Необходимая оборона как обстоятельство исключающее преступность деяния: место и роль в уголовно-правовом регулировании: дис. ... канд. юр. наук. 2013. 187 с.

11. Герасимова Е.В. История развития института необходимой обороны: российский и зарубежный аспекты // Новый ракурс. 2016. № 17. С. 36-50.
12. Герасимова Е.В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 8-11.
13. Глазков А.А., Репин Р.П., Егоров В.А. Пределы необходимой обороны и крайней необходимости в уголовно-правовой теории // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 146-148.
14. Головненков В.П. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. М. : Проспект, 2012. 314 с.
15. Голованова Н.А., Еремин В.Н. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. М., 2001. 450 с.
16. Городнова О.Н. Понимание и реализация права на необходимую оборону // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 160-164.
17. Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика Монография. М. : РИОР, 2018. 218 с.
18. Дядюн К.В. Право на необходимую оборону: проблемы реализации // Universum: экономика и юриспруденция. 2014. № 5. С. 8-10.
19. Дядюн К.В. К вопросу о критериях правомерности необходимой обороны // Universum: экономика и юриспруденция. 2014. № 10. С. 3-4.
20. Ефимович А.А. Основание необходимой обороны // Вестник ИрГТУ. 2007. № 1. С. 240-245.
21. Журкина О.В. Институт необходимой обороны в законодательстве зарубежных стран// Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т.13. С. 44-48.
22. Итальянский уголовный кодекс 1930 г. / Пер. проф. М.М. Исаева. - М. : Юриздат, 1941. 176 с.

23. Кабурнеев Э.В. О некоторых проблемах квалификации фактов причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны. // Российский следователь. 2007. № 1. С. 11-14.

24. Классен А.Н., Якуньков М.А. Зарубежное законодательство о необходимой обороне // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 4. С. 75-77.

25. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866. 349 с.

26. Козак В.Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972. 150 с.

27. Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: авторский взгляд на нерешенные проблемы // Уголовное право. 2021. № 10. С. 39-42.

28. Лисица Л.М. Общие условия правомерности необходимой обороны (магистерская диссертация). Барнаул, 2017. 139 с.

29. Матюнин О.В. Развитие института необходимой обороны в России и уголовная ответственность спортсменов-единоборцев // Гражданин и право. 2021. № 11. С. 16-18.

30. Ментюкова М.А., Шилкина А.Н. Проблемы применения необходимой обороны в уголовном праве России // Science Time. 2015. № 11. С. 361-365.

31. Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Особенности эволюции института необходимой обороны в советском и российском уголовном праве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 25-30.

32. Михайлов В.И. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 35-40.

33. Назуров А.Г., Шищенко Е.А. Обзор исторического становления и актуального состояния института необходимой обороны и практики его применения // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2016. № 123 С. 56-59.

34. Никуленко А.В., Смирнов М.Л. Необходимая оборона и превышение ее пределов: возможности законодательного совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3. С. 116-121.

35. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключаяющие преступность деяния. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 140 с.

36. О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

37. О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 14.03.2002 № 29-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 211. Ст. 21.

38. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

39. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3452.

40. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 (в ред. от 24.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 47 (часть I). Ст. 5749.

41. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключаяющих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) // СПС «Гарант».

42. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 69-УД18-7 // СПС Консультант Плюс».

43. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 ноября 2013 г. № 33-Д13-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 8. С. 19.

44. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 218 с.

45. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. 560 с.

46. Побегайло Э. О пределах необходимой обороны // Уголовное право. 2008. № 2. С. 72-73.

47. Плиева З.М. Проблемы превышения пределов необходимой обороны во времени // Проблемы Науки. 2012. № 3. С. 90-91.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 года «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. № 27.

49. Постановление президиума Свердловского областного суда от 22.07.2015 по делу № 44у-126/2015 // СПС «Консультант Плюс».

50. Приговор Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга Свердловской области № 1-226/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-226/2020 // Судебные и нормативные акты РФ.

51. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.10.1956 № 8 «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» // СПС Консультант Плюс.

52. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» // СПС Консультант Плюс.

53. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на

необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // ИПК «Гарант».

54. Рамазанов Р.Г. Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7. С. 142.

55. Решетникова Г.А., Зварыгин В.Е. Условия правомерности охраны отношений собственности при применении не запрещенных законом средств или приспособлений // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 4. С. 177-181.

56. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: основные правовые системы современности. М., 2007. 352 с.

57. Ситникова А.И. Тенденции уголовной политики, выраженные в нормах главы 8 УК РФ 1996 г. // Российский следователь. 2010. № 9. С. 13-15.

58. Таганцев Н.С. Уголовное право. Общая часть. По изданию 1902 года, С.-Пб. URL:<http://allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/> (дата обращения: 22.04.2022).

59. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

60. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (Утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 0. Ст. 591.

61. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. 130 с.

62. Чернов А.Е. Сравнительный анализ российских и зарубежных уголовно-правовых норм о необходимой обороне // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2014. № 1. С. 84-86.

63. Шелковникова Е.Д. Необходимая оборона, тогда и теперь. Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2007. № 3. URL: <http://www.kalashnikov.ru/upload/medialibrary> (дата обращения - 22.04.2022 года).

64. Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. Том 1. М., 2013. 604 с.

65. Consolidated Laws of New York's Penal code. URL: <http://ypdcrime.com/penal.law/> (дата обращения: 07.06.2022)

66. French Penal Code of 1810. URL: https://www.legislationline.org/download/id/3316/file/France_Criminal%20Code%20updated%20on%2012-10-2005.pdf (дата обращения: 07.06.2022)

67. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html (дата обращения: 07.06.2022)

68. The Swedish Criminal Code (Updated 25 February 2021) SFS 1962:700 Brottsbalken. URL: <https://www.government.se/government-policy/judicial-system/the-swedish-criminal-code/> (дата обращения: 22.03.2021)

69. Swiss Criminal Code of 21 December 1937 (Status as of 1 July 2020). URL: https://fedlex.data.admin.ch/filestore/fedlex.data.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/20200701/en/pdf-a/fedlex-data-admin-ch-eli-cc-54-757_781_799-20200701-en-pdf-a.pdf (дата обращения: 07.06.2022)